

А.И. ХОМЯКОВ¹¹Московский архитектурный институт (Государственная академия) (МАРХИ), г. Москва

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА: ОТ ТРАНСПОРАНТА К КОЛЛАЖУ

***Аннотация.** В условиях появления новых социальных, политических и культурных настроений, смены гуманитарно-технологических парадигм, темы памятных пространств и общественных (публичных) пространств становятся чрезвычайно актуальными. Центральные городские площади всегда являлись местом проведения государственных торжественных праздников, юбилейных церемоний, военных парадов, демонстраций, манифестаций, и поэтому являются прямыми носителями идеологических смыслов и мемориальных значений, что роднит их с мемориально-музейными комплексами, интерес к которым, как к символам истории и идентичности, сегодня повсеместно подтверждается их реконструкциями и новым строительством. Зарубежная и отечественная практика последних десятилетий богата проектами переосмысления, а поэтому и переустройства, функциональной, образной, ландшафтной реконструкции городских площадей и скверов. Изучение трансформации смысловых и сущностных аспектов городских центральных публичных пространств, их представительской и памятной компоненты, поможет определить вероятные векторы развития феномена мемориально-музейных комплексов в частности и мемориальной архитектуры в целом.*

***Ключевые слова:** городские пространства, площади, торжества, празднования, памятники, монументы, мемориальные и памятные места.*

A.I. KHOMYAKOV¹¹Moscow Architectural Institute (State Academy) (MARCHI), Moscow, Russia,

PUBLIC SPACE: FROM BANNER TO COLLAGE

***Abstract.** Public spaces become actual under new social political and cultural opinions and change of humanitarian and technological paradigm. Foreign and native practice of the last decades is rich in projects of urban squares and streets landscape reconstructions. Public spaces have ever been places of state holidays, anniversary ceremonials, military parades, demonstration and manifestations. Therefore, they are direct carriers of ideological and memorial senses. Investigation of representative and memorial parts of public spaces helps to determine possible ways of memorial architecture phenomenon evolution.*

***Keywords:** public space, squares, celebration, monuments, memorial places.*

Введение

Возросший интерес гражданских и культурных сообществ к теме памятников и мемориальных пространств заставляет не только обратить внимание на проблемы их сохранения, но и комплексно оценить ресурсы их развития.

Представление об общественных городских пространствах в нашем сознании связано, прежде всего, с образами площади и проспекта, парка и сквера. Из истории градостроительства известно, что с начала XIX века подавляющее их большинство выражало ту или иную государственную идею, выполняло представительские и мемориальные функции, являлось назидательными и памятными посланиями от власти городским сообществам [1]. В то же время интонации этой трансляции постоянно меняются, постепенно обретая новую необычную лексику, требующую расшифровки. Происходит повсеместное переосмысление образного и функционального наполнения публичных пространств, складывается их новое видение. В чем

оно заключается? Для рассмотрения этого вопроса стоит проанализировать различные фазы этих переходных состояний. Наиболее ярким примером является, прежде всего, городская площадь.

Аналитика

«У площади три источника. Первый – пространство перед храмом. Второй – рынок, и площадь очень долгое время оставалась местом рыночной торговли. Лишь со временем выделилась специальная площадь для собраний, которую греки именовали агорой» [2, с. 171].

Агора – это прежде всего место собраний, торжественных ритуалов у храмов, и только потом – торговли, зрелищ и развлечений.

В Древнем Риме впервые появляется форум – тип общественного пространства, четко ориентированный на прославление героя и события (как правило, победы в сражении). Форумы посвящались триумфаторам и императорам, назывались их именами, украшались статуями и рельефами, демонстрирующими героические свершения. В этот период истории площадь приобрела ярко выраженное значение мемориального общественного пространства, которое предложило свое характерное архитектурно-художественное убранство.

В эпоху Возрождения площадь обретает больше хозяйственное и торговое значение. Превращаясь в жизненный центр города, площадь становится также его административным и культурным средоточием.

XVII век придает площадям Европы уже не столько утилитарный, сколько декоративный характер, – они становятся украшением и достопримечательностью городов [3]. Их украшают уличными памятниками известным историческим и мифологическим личностям. Позже, в конце XVIII и в течение всего XIX века на главных европейских столичных площадях создаются первые архитектурно-скульптурные мемориалы. Вандомская площадь в Париже и Трафальгарская площадь в Лондоне, Немецкий Угол в Кобленце, лоджия Фельхернхалле на Одеонплатц в Мюнхене, лоджия Ланци на площади Синьории во Флоренции – характерные примеры создания общественного городского пространства в мотивах глорификации и мемории. Эти и другие многочисленные примеры иллюстрируют прославление хотя и монархической, но уже имманентно гражданской патетики как центральной памятной темы. Немецкий историк С. Михальский определяет это явление в своей монографии как «статуэманья» [4].

Некоторые из исторически сложившихся площадей этого периода непосредственно становились подиумом для позже возникшего мемориального комплекса, как например площадь Венеции в Риме с мемориалом Виктору Эммануилу II (Витториано), первому королю объединенной Италии. Мемориал был создан в виде помпезного алтаря с венчающей его триумфальной колоннадой, бронзовой конной статуей короля и могилой Неизвестного солдата.

Это же значение имеет будапештская Площадь Героев. В конце XIX века здесь, у входа в общегородской парковый комплекс, был возведен мемориальный комплекс в честь тысячелетия Венгрии в виде 36-метровой колонны, несущей статую Архангела Гавриила, восседающего на земном шаре, и двух фланкирующих ее полукруглых колоннад, увенчанных скульптурными портретами героев из народного эпоса и истории, вождей семи мадьярских племен, основателей Венгрии, а также аллегорических фигур Труда, Процветания, Войны, Мира, Мудрости и Славы.

Такое отношение к организации и содержательному наполнению центральных городских общественных пространств практикуется вплоть до первой четверти XX века, когда в условиях всемирного укрепления парадигмы авторитарных подходов к государственному управлению площади, особенно центральные, обрели совсем другую задачу – репрезентировать не гражданские блага и доблести (освобождение, воссоединение, юбилеи), а саму власть и ее идеологию [5]. Пространственные и архитектурные средства, при помощи которых изменялось соответствующее смысловое и содержательное определение площади, отчасти были заимствованы из практики строительства императорских римских форумов, отчасти переняты из недавних незавершенных опытов модернистских (рационалистских) архитектурных школ.

Так появились монументальные, но безжизненные площади, украшенные массивными монументами и скупыми назидательными повествованиями на патриотические темы, созданные как будто по сюжетам картин Дж. де Кирико («Метафизические прозрения», «Площадь Италии» и др.). Среди них можно назвать Пьяцца делла Виттория (площадь Победы) в Брешии, 1932 г., в Риме – площадь Монолита, 1933 г. и площадь «Империи», 1938 г. [6].

Это происходило в мировом масштабе, не только авторитарных странах Европы, и наиболее показательный тому пример – построенный в 1930-е годы комплекс Капитолия в Нью-Дели (Индия). Здесь функция площади сведена к созданию пустоты, лишь несколько раз в год, по праздникам, заполняемой демонстрацией, лояльной к власти [2].

Заметим, что европейская модернистская архитектурная школа 1930–1960-х годов отстаивала идеи создания широких и просторных общественных пространств. Теории Ле Корбюзье и его апологетов продвигали градостроительные проекты новых городов с широкими общественными магистральными руслами, рассчитанными как на беспрепятственное передвижение людских масс, так и в немалой степени на создание ресурсов для расширения транспортных коммуникаций [7].

После Второй мировой войны политизированно-пропагандистское отношение к оформлению пространства площади средствами «напоминания о героическом прошлом» было продолжено во всем мире. На обширных разрушенных городских территориях создавались новые общественные площади, которые посвящались «Победе», «Независимости» или «Освобождению», при этом они маркировались соответствующими мемориальными знаками. Ряд подобных площадей появился прежде всего в столицах и крупнейших городах стран европейского социалистического лагеря [8].

Последние десятилетия XX века эти пространства оказались в удручающем состоянии, использовались в основном как открытые автостоянки или магистральные транспортные узлы. В 1990-е годы началась сначала их застройка жилыми и др. комплексами, несколько позже – переосмысление в плане сохранения как публичного пространства с различными реконструктивными мероприятиями [9].

В качестве примеров послевоенных социалистических площадей мемориального характера можно упомянуть: площадь Конституции в Бухаресте, где роль идейной и образной доминанты играет самое исполинское административное здание в Европе – Дворец парламента Румынии (бывш. Дом Народа); площадь Победы в Праге, отмеченную строгим обелиском, трамвайным кольцом и невыразительным зданием Штаба армии бывшей ЧССР.

В этот же ряд можно поставить Маркс-Энгельс-форум в Восточном Берлине, который выглядел как просторный сквер (с включенным в него историческим фонтаном «Нептун» и редкими посадками деревьев), простиравшийся от знаменитой телебашни Восточного Берлина до набережной Шпрее и стоящего на противоположном берегу Дворца Республики. Мемориальными знаками здесь до настоящего времени являются: скульптура Маркса и Энгельса, изображенных в непринужденных позах; четырехгранные пилоны, рассказывающие об истории труда и капитала, а также бронзовые рельефы, олицетворяющие жизнь в освобожденном обществе социалистической Германии.

Другая знаменательная восточно-берлинская площадь – Ленинплатц имеет схожую историю и пространственные параметры. Образовавшаяся на месте трех исторических улиц, стертых бомбардировками во время Второй мировой войны, площадь получила имя Ленина, а к его столетию здесь был установлен 19-метровый памятник из красного гранита. Кроме памятника, привычных травяных газонов и непритязательного благоустройства площадь ничего другого не предлагала жителям близлежащих жилых кварталов, построенных в 1960-х годах [10].

В СССР подобная практика развивалась практически до последнего десятилетия его существования. Также, например, выглядела площадь Республики (бывш. Л.И. Брежнева) в Алма-Ате. Эта открытая в 1975 году площадь (официально – главная площадь столицы Казахстана) отвечала всем стандартам советского градостроительства: просторное плоское про-

странство для проведения массовых демонстраций, торжеств, праздников, военных парадов, митингов, народных гуляний (рисунок 1).

Рисунок 1 - Площадь Республики (бывшая пл. Л.И. Брежнева) в Алма-Ате: вчера (слева) и сегодня (справа)

Подобная судьба и образ городских площадей, который выражается в бессодержательности и отсутствии человеческого масштаба, характеризует исчерпанность этого жанра, исчерпанность идей и средств поддержания его устойчивости и жизнедеятельности. С этого момента начинается новая парадигма пространства площади (всего спектра общественных городских пространств), формирующаяся в последнее десятилетие [11].

Тенденции их общего обновления можно проанализировать по конкурсным программам реконструкции площадей этой формации (социалистической парадигмы): упомянутых выше берлинских Маркс-Энгельс-Форум и Ленинплатц, пражской площади Победы; отечественных площадей – пл. Революции в г. Челябинске, пл. Победы в г. Воронеже, Театральной пл. в г. Кирове и, конечно, пл. Маяковского в Москве.

Заметным явлением в этом поисковом процессе можно считать открытый национальный архитектурный конкурс на разработку концепций благоустройства ключевых общественных пространств в 15 городах России. В основе всех этих программ лежат схожие цели преобразования главных городских площадей в качественные и комфортные городские пространства, дружелюбные и экологичные для своих пользователей, функционально разнообразные и эстетически приемлемые для всех возрастных групп горожан в различные сезоны года, праздничные и будничные дни недели. При этом «функциональное разнообразие» предполагает, как наполнение активными общественными, досугово-развлекательными и рекреационными функциями, так и сохранение мемориальных значений со всеми аутентичными их компонентами. Не игнорируется в этих планах и оптимизация транспортных проблем. В целом «благодаря этим мероприятиям общественные пространства в городах-участниках проекта смогут стать не только знаковыми городскими территориями, но и помогут развитию экономики, культуры и туризма» [12].

Эволюционную логику любой центральной площади столичного города показательно иллюстрирует история московской Красной площади (торговая площадь в XIX в., мемориальная площадь с мавзолеем в XX в., концертно-развлекательное мега-пространство в XXI в.).

Если суммировать результаты проектных разработок по реконструкции, оптимизации и возвращению к участию в активной жизни городских площадей последнего десятилетия, можно выделить две сущностные установки. Первая – активное озеленение и благоустройство, превращение площади в городской парк со всеми его атрибутами и компонентами. Вторая – трансформация площади в информационную сценическую площадку города. Две этих линии, как правило, переплетаются, пересекаются, неуклонно преобразуют городские центральные площади, сохраняя в локализованном виде свои мемориальные и памятные значения и в необходимом, но ограниченном виде – транспортные [13].

Схожую, но во многом иную картину можно проследить в эволюции второго по важности общественного пространства города – центральной улицы, которую нагляднее рассматривать в более выразительном ее проявлении – в качестве проспекта.

Если центральная площадь города, как мы видели выше, изначально имела исключительно торговое значение, то проспект – с самого начала своего появления имел триумфально-памятный характер.

Можно выделить принципиальные черты, которые позволяют причислить проспекты к мемориальным пространствам. Это, в первую очередь, как и у подавляющего числа площадей, история их посвячительных наименований. Все их названия носят характер прославления того или иного памятного исторического события, героя или праздничной даты.

Так же, как и площади, проспекты были рассчитаны на широкие праздничные шествия народных масс. Архитектурно они соответствовали названной теме посвящения, отображая образно и художественно на обрамляющих их фасадах зданий все необходимые для этого аллегорические сюжеты и символы.

Отмеченные выше знаменитые проспекты мира по своим параметрам и посвящению сильно отличаются друг от друга и всегда индивидуальны. Соединяя наиважнейшие памятные точки города, его главные достопримечательности своей прямой трассировкой, они создают масштабные градостроительные жесты, которые нередко можно оценить, лишь передвигаясь на транспорте.

Историческим прообразом проспекта можно считать античную улицу-колоннаду, предназначенную для праздничных городских церемоний и торжеств, ритуальных и триумфальных шествий. Позже, по Г. Ревзину, римский папа Сикст V «... придумал проспекты, соединил проспектами главные христианские святыни Рима и в створе каждой улицы на площади перед церковью установил обелиск – как восклицательный знак» [14]. Основные признаки мемориального характера любого полноценного проспекта выражаются в его прямолинейной трассировке, фиксации конечных пунктов монументальными зданиями или сооружениями, включении в свою траекторию площадей, скверов и партеров, посвященных знаменательным личностям и героям. Этому описанию соответствуют все, за редким исключением, центральные проспекты столиц мира.

Среди наиболее значительных примеров можно выделить Невский проспект в Санкт-Петербурге, двенадцать парижских проспектов, лучами расходящихся от площади Шарля де Голля. К ним же, бесспорно, относятся знаменитая улица Унтер-ден-Линден, барселонские проспекты Диагональ, Параллель, Гарсия и бесчисленные другие. Таковыми протяженными мемориальными пространствами являются: римские проспекты Муссолини – римская улица Соглашения, соединяющая площадь св. Петра и участок Замка Ангела, улица 17 июля в Берлине (быв. Восточно-Западная ось Гитлера-Шпеера), проспекты Сталинской реконструкции Москвы (Ленинский пр-т, пр-т Мира). Показательно, что подавляющее их большинство стало появляться с начала XIX века – с момента укрепления гражданского общества и гражданского самосознания, с момента появления первых мемориально-музейных комплексов [15].

Подробно останавливаться на их описании нет необходимости, – о них содержится обильная информация в справочной и научной литературе, освещающая историю их возникновения, планировочные и пространственные особенности. Важнее отметить, что, в отличие от площади, у проспекта как общественного пространства значительно меньшая предрасположенность к расширению публичных значений, в том числе памятных и мемориальных. Их носителями являются, как мы отмечали выше, именно «открытые» пространства. Проспекты же в своей сущности являются транспортными и общественными коммуникациями, т.е. архитектурное и художественное содержание здесь воспринимается в динамике, «со скорости». Кроме того, тематически направленному прочтению препятствуют значительные параметры сечения улицы и ее зачастую плотное обрамление рядами крупномерных деревьев [16].

Ярким тому примером является парижский проспект (авеню) маршала Фоша, простирающийся от пл. Этуаль (Звезды) до парка Булонский лес. Он наглядно иллюстрирует и свое

мемориальное происхождение (первоначальное название авеню Императрицы было сменено в 1929 году на имя маршала Ф. Фоша, героя Первой мировой войны), и коммуникационное значение – это самая широкая улица в Париже (140 м), обрамленная с каждой стороны тремя рядами деревьев, которая имеет характер вытянутого парка.

Выводы

Площади и проспекты являлись и остаются частью мемориальной культуры, непосредственно приближенными к городскому населению, в отличие от удаленных от него на расстоянии мемориальных комплексов, расположенных в пригородной или природной среде, непосредственно на местах исторических событий. И те, и другие в мемориальном смысле появились одновременно, в период консолидации гражданского общества и развиваются со схожей динамикой и образно-функциональной направленностью. «Городские мемориалы (центральные публичные пространства)» и «внегородские» канонические, меняются образно и внутренне согласно политическим требованиям власти, с одной стороны, и социально-культурной картине мира – с другой. Это дает основание утверждать, что мемориально-музейную архитектуру ожидают преобразования, в общих чертах аналогичные тем, которые происходят последние десятилетия в городских центральных публичных пространствах.

Во-первых, они теряют свои одиозные конфигурации, уступая решениям, вызванным требованиями политкорректности, толерантности, экологии и комфорта. При этом приоритет дается информационно-эстетической (медийной) программе, вместо идеологической, способствуя превращению площади в информационный и культурный эпицентр города.

Во-вторых, меняются архитектурно-художественные исторические и памятные символы и знаки (архитектурно-художественное оформление) – с торжественно-прославляющих и назидательных на ландшафтные интерпретации памяти, выраженные средствами благоустройства и дизайна.

Две этих линии, как правило, переплетаются, пересекаются, неуклонно преобразуют городские центральные площади, сохраняя в локализованном виде свои мемориальные и памятные значения, и в необходимом, но ограниченном виде – транспортные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лоу С.М. Пласа. Политика общественного пространства и культуры. М. : Strelka Press, 2018. 305 с.
2. Глазычев В.Л. Урбанистика. М. : Европа, 2008. 219 с.
3. Аулов В.В., Горин С.С. Площадь города. М. : МАРХИ, 2014. 8 с.
4. Michalski S. Public Monuments. Art in Political Djudage 1870-1997. London Reaktion Books Ltd, 1998. 236 p.
5. Иконников А.В. Среда и образ времени // Декоративное искусство. 1974. №9. С. 1–8.
6. Вяземцева А.Г. Искусство тоталитарной Италии. М. : РИП-холдинг, 2018. 464 с.
7. Лавров В.А. Формирование облика города // Архитектура СССР. 1969. №5. С. 24–31.
8. Dutschke W. Zwischen Strausberger Platz und Alexanderplatz. Deutsche Architektur 8 (1959), 10. P. 535–543.
9. Рыбчинский В. Городской конструктор. Идеи и города. М. : Strelka Press, 2014. 220 с.
10. Leucht K.-W. Es geht um Berlin. Deutsche Architektur (1957), 6. P. 276.
11. Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу. М. : Strelka Press, 2012. 30 с.
12. Конкурс на разработку концепций благоустройства ключевых общественных пространств в 15 городах России, 2017 [Электронный ресурс]: URL: <http://tehne.com/node/6299> (дата обращения: 15.07.2019).
13. Гончаров М.Н. Городская площадь: архитектурно-ландшафтные приемы организации // Интернет-вестник ВолГАСУ. Политематическая сер. 2009. Вып. 2 (9). [Электронный ресурс]: URL: <http://vestnik.vgasu.ru/attachments/2-9-2009-04.pdf>
14. Ревзин Г. Как устроен город [Электронный ресурс]: URL: www.kommersant.ru/doc/3242167
15. Беляева Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия. М.: Стройиздат, 1977. 65 с.
16. Джейкобс А.Б. Великие улицы. М. : Искусство – XXI век, 2014. 334 с.

REFERENCES

1. Lou S.M. Plasa. Politika obshchestvennogo prostranstva i kul'tury. M. : Strelka Press, 2018. 305 s.
2. Glazychev V.L. Urbanistika. M. : Evropa, 2008. 219 s.
3. Aurov V.V., Gorin S.S. Ploshchad' goroda. M. : MARHI, 2014. 8 s.
4. Michalski S. Public Monuments. Art in Political Djndage 1870-1997. London Reaktion Books Ltd, 1998. 236 p.
5. Ikonnikov A.V. Sreda i obraz vremeni // Dekorativnoe iskusstvo. 1974. №9. S. 1-8.
6. Vyazemtseva A.G. Iskusstvo totalitarnoy Italii. M. : RIP-kholding, 2018. 464 s.
7. Lavrov V.A. Formirovanie oblika goroda // Arkhitektura SSSR. 1969. №5. S. 24-31.
8. Dutschke W. Zwieschen Strausberger Platz und Alexanderplatz. Deutsche Architektur 8 (1959), 10. P. 535-543.
9. Rybchinskiy V. Gorodskoy konstruktor. Idei i goroda. M. : Strelka Press, 2014. 220 s.
10. Leucht K.-W. Es geht um Berlin. Deutsche Architektur (1957), 6. P. 276.
11. Groys B. Publichnoe prostranstvo: ot pustoty k paradoksu. M. : Strelka Press, 2012. 30 s.
12. Konkurs na razrabotku kontseptsiy blagoustroystva klyuchevykh obshchestvennykh prostranstv v 15 go-rodakh Rossii, 2017 [Elektronnyy resurs]: URL: <http://tehne.com/node/6299> (data obrashcheniya: 15.07.2019).
13. Goncharov M.N. Gorodskaya ploshchad': arkhitekturno-landshaftnye priemy organizatsii // Internet-vestnik VolgGASU. Politematicheskaya ser. 2009. Vyp. 2 (9). [Elektronnyy resurs]: URL: <http://vestnik.vgasu.ru/attachments/2-9-2009-04.pdf>
14. Revzin G. Kak ustroen gorod [Elektronnyy resurs]: URL: www.kommersant.ru/doc/3242167
15. Belyaeva E.L. Arkhitekturno-prostranstvennaya sreda goroda kak ob"ekt zritel'nogo vospriyatiya. M.: Stroyizdat, 1977. 65 s.
16. Dzheykobs A.B. Velikie ulitsy. M. : Iskusstvo - XXI vek, 2014. 334 s.

Информация об авторах:

Хомяков Александр Иванович

Московский архитектурный институт (Государственная академия) (МАРХИ), г. Москва
кандидат архитектуры, профессор кафедры архитектуры общественных зданий,
член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН).
E-mail: a.khomyakov@mail.ru

Information about authors:

Khomyakov Alexandr I.

Moscow Architectural Institute (State Academy) (MARCHI), Moscow, Russia,
candidate in architecture, prof. of the dep. of public architecture,
corresponding member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAASN).
E-mail: a.khomyakov@mail.ru